

тысяч лн, они разгромили их драконово капище, сожгли их войлочные юрты, закопали в землю живьем десять рогов (т. е. десять вышших сановников), надели кандалы на руки царице-зачжи... и с победными криками возвратились назад. Испуганный шаньюй, накинув на себя войлочные одежды и от страха босых дышать, бежал в земли Усунь" [Фань Е, гл. 89, с. 1341, л. 366; Таскин, 1973, с. 98].

В "Истории Северных династий" говорится, что значительная часть народа юебань из района современной Тувы продолжала путь на запад, "в Канзюй". След этой западной части обнаруживается в обеих редакциях "Истории династии Тан": "Тугусское управление Юебань учреждено в столице государства Шиханьна (Чягани ан) в "красивом/богатом" городе Янь (<iat), которыми правит их царь (ван). Выделив, как обычно, их племя, учредили округ Шуанми (дословно: "двоица красивых") [Лю Сюй, гл. 40, с. 454, л. 40; ср. Оуян Сю, гл. 436, с. 301, л. 40]. Чяганиан (Саганиан) располагался в долине реки Сурхан (приток Панджа), его центр находился примерно на месте современного Денау в 4-х переходах от Термеза [Бартольд, 1963, с. 122-123]. Не исключено, что эта самая западная часть урленов/урбенов под именем Урва упоминается в географической части "Вендидада" (если не считать таковую позадней вставкой): "Восьмая же страна – Урва, богатая лугами; быч страны – злые властители" [Брагинский, 1972, с. 49]. В китайской историографии Шуанми было названием одного из уделов больших юэчжи-"тохаров" в Средней Азии, существовавших во второй половине II в. до н. э. [Бань Гу, гл. 96а, с. 1163, л. 15а]. В данном случае важно даже не то, совпадает ли географически урпенский Шуанми с древним юэчжийским, а связь урленов с юэчжи-"тохарами". Таким образом, устанавливается три этапа продвижения урленов – хинганский, тувинский и среднеазиатский.

Выяснены и главные ориентиры этой восточной тохарской-коча области: Цзиньвай – Большой Хинган севернее Шара-

мурена и местность Куян – "Мечный путь" (Хэюнь), понятийно, лексически и территориально повторяющие историко-мифологический материал предания, но представляющий ему по времени больше чем на тысячелетие. Устанавливается древнее ее название (Урпен) и обычай населения стричься наголо.

Этот обычай известен у многих народов древности. Еще Геродот (IV, 23-24) сообщал о "плешивоголовости" семиплеменных аргиппеев. "Белоглавыми", т. е. остриженными наголо, были семиплеменные юэчжи-"тохары". "Остригали волосы на голове" семиплеменные эфталты или "белые гунны" ("Это племя больших юэчжи; говорят, они отращивают гачэ-коча") [Ли Яньшю, гл. 97, с. 1297, л. 23а]. Во многих случаях "плешивоголовость" была равнозначна *луноглавости*. По персидским преданиям, Таз (тюрк. таз "плешивый") в "Шахнаме" был предком кабульского царя-мехраба [Фирдоуси, I, с. 625]. В башкирской сказке "Алпамыша и Барсын-Хылуу", вероятно, самой старшей из тюркских версий сказания об Алпамыше, он был плешивым (таз) и с изображением золотого месяца на темени [Жирмунский, 1974, с. 170]. Племя таз существовало среди половцев-кыпчаков Причерноморья. На затыках некоторых половецких каменных изваяний изображались ножицы [Плетнева, 1958, с. 205; 1974, с. 41; Федоров-Давыдов, 1966, с. 178]. Достоинно внимания, что подразделение атабай туркменских тазов имело тамгу в виде ножиц санд-калп "ручка ножиц" [Картов, 1929]. Подразделение таз существовало среди кыпчаков в составе кырызлов [Абрамзон, 1971, с. 44, 46-47]. В кырызском эпосе "Манас" говорится, что представителем кыпчаков на тое у Джакыпа был красноречивый Таз, "...кыпчак-тардан Таз чечен" [Манас, 1984, с. 54, стр. 1089]. Термины таз и кашка определяли место его носителей в системе духовных координат (почитание божества Луны) и не имели отношения к их внешности. В Ферганской долине Узбекистана проживали племена джети-кашка ("семь плешивых") и таз ("плешивый"). Ит-ти кашка ("семь плешивых") было названием рода узбек-

ских кыпчаков Наманганской области [Шаниязов, 1974, с. 44, 46]. В сочинении XIV в. "Маджму ат-Таварих" среди других героев действуют сыновья Ак-Тимура, кыпчака. Их называли джети-кашка. Считалось даже, что именно это племя с самого начала управляло всеми кыргызами [Абрамзон, 1971, с. 46–47]. "Магическая" семерка – самое популярное число во многих мифологических мирах. Представление о ней основано на ее взаимосвязи с семидневными фазами Луны. Мифологическими символами нарождающейся луны (месяца) были также ребро, бровь и лук. В огузском эпосе "Книга моего деда Коркута" кыпчаки не упоминаются. В нем присутствует лишь богатырь Кыпчак с железным луком [Короглы, 1976, с. 270]. Арабский писатель ал-Омари называет кыпчаков Египта *лунами* государственной свиты [Тизенгаузен, 1884, с. 232].

Мечный путь мог ассоциироваться и с Белым деревом жизни. В якутском сказке "Боско" ущербный юноша, одинокий и изгнанный (луна на ущербе, месяц), обращается к владычице Белого дерева с мольбой о спасении и возрождении. Ветви зашумели, и животворный дождь, белый, как молоко, стал падать на юношу. Из дерева вышла женщина и предложила юноше выпить молока из своей груди. Выпив молока, Юрюн-уолан обрел новые силы [Потанин, 1893, с. 933–934; Горохов, 1885, с. 43]. Только в этом случае и получает объяснение не понятый до сих пор никем миф о происхождении кыпчаков в изложении Рашид ад-Дина и Абу-л-Гази. Во время одного из походов мифического Огуз-хана пришло время рожать женщине, муж которой погиб. Она вошла в дупло дерева и родила мальчика, которому дали имя Кыпчак [Рашид ад-Дин, 1952, с. 84; Кононов, 1958, с. 43]. Дупло дерева жизни – это развилка Мечного пути, в которой якобы и нарождается новая луна.

Священное шаманское дерево у якутов, хакасов и др. называлось *тор/тур*. В практике многих народов такое дерево выступало как дорога, путь, оно было символом связи мира человека с миром богов. В форме *туру/торо* оно было известно тунгусам и

означало путь, по которому шаман и его молитвы поднимаются к небу [Штернберг, 1936, с. 123]. Этим словом (твр) желтые уйгуры обозначали шаманское дерево и *Мечный путь* [Малов, 1912, с. 128; Абрамзон, 1978, с. 23]. В тюркской древности явно существовало божество деторождения Торут, упоминаемое в "Сокровенном сказании монголов" (§§ 189–190) в связи с рождением найманского Таян-хана от немоющего старика и молодой жены. В записи Ч. Ч. Валиханова именем Ак-тор (Белый путь, Мечный путь) назван мифический предок кыпчаков в призываниях на тризну по Кокотая из кыргызского эпоса "Манас": "... К сыну плешивого (таз) *Актора*, к храброму *Урбе*, ступай, к *Урбе*, который, один будучи, добыл себе богатство и силу... Батыр *Урбе* по прозванию, а по имени *Мунку* (ср. монг. *мунг* "серебро", "белый") пусть придет сам особой своей!" [Валиханов, 1985, с. 97].

В бумагах, заготовленных Мусой Чормановым для своего племянника Чокана Валиханова, Г. Н. Потанин обнаружил в 1880 г. пространный родословную, согласно которой мифическим родоначальником казахской Средней орды был Ак-жол, его старшим сыном назван Кыпчак с тамгой в виде столба [Потанин, 1893, с. 14–15]. О той же тамге говорится в казахском героическом эпосе:

...Многочисленные кыпчаки ставили юрты в ряд.  
Жили мирно на стоянке своей.

У кыпчаков была тамга "Алмф" (в виде

Первой буквы арабского алфавита "алиф",

Похожей на поставленную палку или столб – авт.)

В народе славились они.

[Кобланды-батыр, 1975, с. 65, 223].

Эту же тамгу кыпчаков отмечал А. Левшин [1832, с. 134–135]; такое же тамговое изображение зарегистрировано и у каракалпакских кыпчаков. Одной из тамг племени канглы, жившего в древности совместно с кыпчаками, был тот же столб рядом с изображением обрамленной лучами полной луны. Их ураном был *бай-терек* ("священное дерево") [Су Байхай, 1984, с. 139].

**Отступление о луне и зайце.** Умирающая и возрождающаяся луна у многих народов древности от Дальнего Востока до Африки ассоциировалась с меняющим свой цвет в зависимости от времени года, как бы умирающим и снова возрождающимся к жизни *зайцем* (равно, впрочем, и со сбрасывающим кожу змеем ~ драконом). В древнекитайском мифе белый заяц является обитателем Лунного двorca и круглый год тоачет в ступе снадобье бессмертия. Рядом с ним растет *дерево*, которое сколько ни руби, остается невредимым [Юань Кэ, 1987, с. 158].

С той же идеей бессмертия связаны эти образы у племена намакуа (гуттентоты) в Африке. В стародавние времена Луна захотела послать людям весть о их бессмертии, и *заяц* вызвался быть вестником, чтобы передать ее слова: "Подобно тому как я умираю и вновь возвращаюсь к жизни, так и вы будете умирать и возвращаться к жизни". Но глупый запамитовал эти слова и, прискакав к людям, сказал им: "Подобно тому как я умираю, а потом не возвращаюсь к жизни, так и вы умрете и никогда не возродитесь". Узнав об этом, Луна разгневалась и бросила в зайца *палку*. Эту легенду знали и другие племена Африки [Фрэзер, 1985, с. 34–36].

Своеобразную трансформацию претерпел этот миф у тюрков Первого катаната, династийная коалиция которого состояла из *каганской* фракции (ее символом был Белый олень Золотые рога, т. е. Солнце) и *катунской* фракции (ее символом был Змей/Дракон плодородия и многочадия), ведущей свое происхождение от гинекократического "рода Луны" юэжжи. Одним из главных божеств юэжжйского пантеона был Мечный путь Куян (он же Белый поток, *Дерево жизни*). С озаначенным символом омонимичен тюркский термин *куян/койан* "заяц". В 581 г. в каганате началась смута, вызванная попыткой отстранить традиционно катунскую фракцию от участия в управлении государством. Эта распря известна как "восстание Або (Дабобяня)". Вот как выглядит начало мифологизованного тюркского рассказа об этом в китайской записи той поры. "Это было еще перед

митежом Або в начале периода Кай-хуан (581–600 гг.). Одинажды несколько десятков предводителей, преследуя *зайца*, приблизились к горе. На горе стоял олень..." [Ли Фан, 1959, гл. 139, с. 1004]. Здесь в одном подразумеваемом тюркском термине *куян* совмещено представление о катунской фракции Зайце-луне и Мечном пути. В VII в. среди тюрков имело хождение представление о Мечном пути (Потоке) Куян как о Горном потоке, спускающемся в низину. Оно совершенно подобно тому, что впоследствии писал Рашид ад-Дин о значении слова *куян* (см. выше), и это отразилось в названии местожительства катунских аштакков "Долина горной реки Куян" (*кит.* Куань-Гу) [Ван Пу, гл. 72, с. 1307; Зуев, 1960, с. 97, 114]. Но до сравнительно недавнего времени сохранилась и память о Мечном пути – *Древе жизни*, в развилке (*дупле*) которого зарождалась Луна-Заяц. На поскотинах тюркских седений на Саяно-Алтае нередко устанавливалась березовая жердь с развилкой наверху, где была растянута зачавья шкурка. Она стояла годами, хотя истинный смысл этого традиционного символа мог быть давно утрачен. У алтайских телеутов это был кол у жилища с повешенной на него шкуркой зайца. Когда она сгнивала, ее заменяли новой. Младенческая млочка сказочного туба-кижинского богатыря (~ месяца) Шюкшиа-Мергена находилась в ветвях священного серебряного дерева Бай-Терек. По воле белого владыки Ак-хана (Мечного пути) герой сказания то уходит от своего владыки, то возвращается к нему [Басаков, 1965, с. 73–103]. "Белый дух в образе зайца (Луны) был женским онтоном у качинцев, его декан подвешивали на ветвях белой березы на речных островах или около рек перед входом в улус [Зеленин, 1936, с. 27–41]. В шаманских молениях белому небожителю Ак-Тосю говорились:

Сотворен ты белым небом!  
Преобразился в белого зайца!  
Белое и красное твое одянье  
Похожи на половину Луны!

Путешествуешь ты по ясному небу!  
Получаешь тень от белой березы!  
[Катанов, 1907, с. 492-493].

Отмечается также, что изображение Белого покровителя в березовой развилке с натянутым на нее доскутом бритой овчины с пришитой к ней головой зайца было главным на молениях ему у порогов и каска ("плешивых"). Изображение обычно хранилось на крыше или на изгороди поскотины. Моления проходили на берегу реки под березой, причем шаман камлавал в женской меховой шапке [Потапов, 1969, с. 28-29].

...Весь приведенный материал показывает, что "столб" кыпчаков – это тамговое изображение Древа жизни – Млечного пути, в лоне (развилке) которого зарождается новая луна. Но дерево, которое рождает, может быть только женщиной, а без мужичины зачатие новой жизни невозможно. Поэтому рядом с деревом женского рода (как правило, белая береза) понимается дерево-мужчина (кедр), как это было, например, в представлениях ранних уйгуров Орду-балака в Северной Монголии. Соответственно и в тамге кыпчаков прибавляется еще один столб. М. С. Муканов и другие исследователи отметили общую основную тамгу кыпчаков Среднего Жужа казахов в виде пары столбов. Их ураном был ай-бас ("лунная голова") [Муканов, 1974, с. 58].

Имя кыпчакского Урбе или Урбю, топонимы Урпен и Урмен сохранились в номенклатуре башкирских этнонимов: юрман (ср. ұрман, ұрбан), юрми (ср. ұрм), юрматы (ср. ұрмәлі). В башкирских шежере мифический Юрми-хан пытается на охоте подстрелить лебедя, который оборачивается прекрасной девушкой, и от брака с ней рождается сын Юрматы. В западнотатарских генеалогических преданиях их предки юрман приходят из Монголии, из местности Аутай. Башкирский род урман-гара (~ұрман ~кәре?) имел чисто кыпчакскую тамгу в виде пары столбов [Кузеев, 1973, с. 120-121, 270-271, 332, 369], и это последнее обстоятельство напрямую связывает происхождение

данного имени и этнонима с Большим Хинганом, называвшимся также Аутай и Ека Аутай "Большой Аутай".

К реконструкции реального звучания китайской записи фамилии Тутхака Юйлиболи обращались не раз. В рецензии на книгу Й. Маркварта "Über das Volkstum der Komaren" (Berlin, 1914) П. Пельо поддержал чтение Yür-beli [Pelliot, 1920, с. 161], но позднее склонился к более, на его взгляд, вероятному чтению Ülbäi. Польемизируя с Дж. Э. Бойлем по поводу подлинного звучания фамилии кыпчакской царицы Хорезма Теркен-хатун, он пришел к убеждению, что в относительно позднем издании Казвини персидского текста "Тарих-и джехан куша", которым в английском его переводе пользовался Бойль, допущена ошибка: ее следует читать Ürbälan ("Урбелыйская", "урбелыйцы"), метатезным вариантом термина Ülbäi [Pelliot, Hambis, 1951, с. 108]. В обстоятельной статье П. Голдена, посвященной выяснению подлинного соответствия китайской записи Юйлиболи, приведен материал в пользу его исходного звучания ölbei [Golden, 1986-1987, с. 5-29]. Заслуживают внимания и другие мнения (С. М. Ахмжанов, Б. Е. Кумеков). Дело здесь не в мелочном академическом интересе, а в установлении этнических взаимосвязей большой пространственной и временной протяженности.

Приведем различные по иероглифической записи, но восходящие к одной основе варианты: 1. С571, 679, 11978, 679 Юйлибэйли [Су Тяньцзюе, гл. 26, с. 320]; 2. С71, 679, 2710, 679 Юйлиболи [Сун Лянь, гл. 128, с. 1486, л. 14а]; 3. С14545, 4419, 4849, 679 Ваньэрбейли [Сун Лянь, гл. 124, с. 1450, л. 4а] и др. Первый знак 14545 вань в последней транскрипции (Ваньэрбейли) явно ошибочен, но это картины не меняет. При определении тюркского соответствия китайской передачи искомого термина предпочтительней обратиться к тюркскому материалу, каковым в данном случае являются кыргызский эпос и башкирская этнонимика. Он заставляет вернуться к соотношению этой транскрипции с формой *урбел*, которую П. Пельо несправедливо счел вторичной. К эпониму Урбю восходит и сообщение Ипатьевской ле-

тописи под 1152 г. о названии "Половци-Орылкаеве". Сказанное отнюдь не отрицает существования других форм (*ölberit* и др.), производных от означенной и исходной.

Вернемся к обозначениям Меченого пути. Еще одним из них от побережья Атлантического океана до восточной оконечности Центральной Азии является "Путь соломы (сена, мякны, гороха и под.)" или "Путь похитителя соломы". Такое его обозначение встречено в фольклоре североказахских потомков древних юзжи, восточноиранских осетин. В нем говорится, в частности, о небожителе по имени Арфан (ср. выше Орпен), похитившем солому у другого небожителя, но в бегстве рассыпавшем ее по ночному небосводу. Путь его бегства был усвоен соломой. Поэтому-то Меченый путь осетины называют "След Арфана" [Абаев, 1958, с. 175]. У турок главными названиями Меченого пути являются *Saman cırtısu* "Похититель соломы" и *Sampan uolu* "Путь соломы". Уйгуры называют его *Саман-йолу*, казакские казахи — *Сабан жолы* "Путь соломы", узбеки — *Сомон йул* "Соломенный путь". У славянских народов названия Меченого пути нередко связаны с загадочным термином *кум* (ср. выше *qum*) и "соломой": "Кумова слама", "Кумов путь", "Кум у кума солому украд" и под. [Никонов, 1980, с. 242-263]. К этой же группе следует отнести летописное отождествление "Куманы значит подобьцы". Термин *по-ловей* восходит к древнерусскому *по-лова* "солома", "мякина". Это древнерусская адаптация-калька слова *куман*, восходящая к обозначению Меченого пути, но отнюдь не к *желтому цветцу соломы*, как это принято с руки А. Куника (1854 г.) и по сей день бытует в науке.

Важная и сложная проблема кыпчаков вызвала большое число исследований. Немало ценного и полезного в решении частных и общих вопросов кыпчаковедения содержится в посвященных этому монографиях И. Маркварта (1914 г.) и С. М. Ахинжанова (1989 г.). Тщательный анализ тюркской лексики, связанной с термином *кыпчак*, произведен А. Н. Кононовым (1976 г.). Новое

решение в вопросе о происхождении кыпчаков предложил С. Г. Кыпторный (1986 г.), который считает кыпчаков тождественными племени *С3962 се* (<*siet*) в составе объединения *се-яньто* и одноименного *каганата* (629-647 гг.) на территории Монголии. Он реконструирует данную транскрипцию в форме *siṛ* и отождествляет последнюю с названием *siṛ* в древнетюркских рунических текстах. Сам же термин *кыпчак*, по его мнению, значит "неудачный", "злосчастный", "злополучный". На взгляд пишущего эти строки, каждый пункт этого смелого решения нуждается в дополнительной аргументации, более основательной, чем представлена в статье. Руническое написание предполагает чтение *ṣiṛ* или *siṛ*. Имеется его китайская транскрипция *С8748 ши* (<*ṣiet*<*ṣiṛ*) и, следовательно, первое чтение предпочтительнее. Есть и его тюркский эквивалент *арсалин* "лев". Среднеперсидский термин *ṣiṛ* религиозный, своим появлением в тюркской среде он обязан принятию манихейского вероисповедания верхушкой ряда тюркских племен в VII-VIII вв. (см. ниже, раздел II). Необходимо преодолеть хронологическое несоответствие: в надписи из Могойи Шине усунь, где впервые упомянут термин *кыбчак*, речь идет о событиях, непосредственно предшествовавших созданию Второго уйгурского каганата в середине VIII в., а каганат Се-яньто пал столетием раньше; и *каганский* термин *се* (<*set*) больше нигде не упоминается. Приведенный выше материал, если он хотя бы частично будет сочтен удовлетворительным, такую трактовку не поддерживает.

Слово *qum* на тюркской языковой почве десемантизировалось уже в глубокой древности, оно не имело значения и в славянских языках; чтобы наполнить его смыслом, подыскивались более или менее созвучные и понятные слова, например, *qumta* "наложница". В XIII в. имя Кыпчак (*кбджака*) дали внуку Джочи-касаара (брата Темучина), так как он был рожден от наложницы (*кумэ*) [Рашид ад-Дин, 1952, т. 1, кн. 2, с. 53].

Придерживаясь идеи цветовой семантики *кыпчак*, *кумак* и *кумык* и отметив, что основной морфемой этих слов является

qum, A. H. Кононов писал: "Можно с значительной долей уверенности утверждать, что этнонимы куман, кыпчак и кумлык (генетически близкородственных племенных образований) восходят к одному корню (\*qub) и представляют собою различные формы фонетико-морфологического развития этого корня" [Кононов, 1976, с. 109]. К этой идее склоняется и Д. Г. Савинов, в обстоятельной работе которого на археологическом материале устанавливаются основные этапы истории ранних кыпчак-ков Южной Сибири [Савинов, 1979, с. 56].

Возможно, разгадка непонятного термина *кум* скрывается в названии дерева *Хом* (Хаома) древних иранцев. Согласно "Бундахишну", *белое дерево-воскреситель* Хом выросло в источнике Ардвисур в Мировом море Фрахвард (или Воурукаша, Варкаш). При воскрешении мира из этого дерева будет приготовлен напиток бессмертия [Чуакова, 1997, с. 120, 289-290, 303]. В "Авесте" это главнейший напиток и эликсир бессмертия, иногда персонафицированный в образах божеств (например, это воплощение порядка в космосе и социуме – Митра). Древнейший кулыт Хома/Хаомы был принят разными религиями. Заратустра восхваляет его за то, что он дарует здоровье, целительную силу, знание, воодушевление, способность к обороне, могущество, силу страсти. Он почитался у скифов и сарматов. Его след отложился в осетинском названии хмеля хум-алаг (Хуп-аеллаг < \*hapa-ауака "арийский хум") [Топоров, 1992, с. 462-463, 578-579]. Сохранились следы его бытования у ранних тюрков. Генетическим предком сеока *куманды/кубанды* на Алтае считался *Куман*. В их языке хмелевая пишка называется *куманак* (ср. *шорск. кубанак, алт. кымынак* "хмель", *бараб., сагайск. куманак* "хмелевая пишка", "хмель") [Потопов, 1969, с. 59; РС. II, стлб. 1044, 852, 1035, 1055].

Древнеиндийской персонафикацией этого кулыта был бог луны Сом. Луна прибывает по мере ее наполнения напитком бессмертия и убывает после его отпития богами. В гимнах "Ригведы" (I, 91, 6) к Соме обращаются как к "Тосподину деревьев" – это было

Мировое дерево [Топоров, 1979, с. 289]. В мифах древнего Китая красавица Чаньэ похищает у своего мужа Охотника напиток бессмертия и улетает на Луны [Юань Кэ, 1987, с. 311].

При анализе термина *кыпчак* нельзя не помнить, что его стандартной китайской передачей в XIII в. было *уиньча* (*кыпчак*), а летописное название "Половецкая дорога", земные координаты которой пока что не установлены, это в первую очередь Путь соломь, т. е. Млечный путь. Половцы (куманды, кыпчаки) хранили образ Млечного пути, они были "млечнопутниками". Существование сакральных символов Луны и Млечного пути в кыпчакской среде можно считать тюркской реализацией юэчжийского пантеона.

Термин *кыпчак* был аалотнонимом, данным соседями, отражающим особенности кулыта его носителей. Сочетание *урбе/урбо-кыпчак* уже само по себе предполагает существование и других кыпчаков, *не урбе/шйцев* (ср., например, типологически сходные *türk-şir* и *şir-qatıru* в разделе II).

В 1913 г. Г. Рамстедт опубликовал перевод обнаруженного им в 1909 г. в котловине Могойн Шинэ усу (долина реки Селенги) памятник-эпитафию второго катана Уйурского государства Элетмиша (747-759 гг.) [Ramstedt, 1913; Ramstedt, 1912]. В четвертой строке его восточной стороны сообщается, что когда Элетмишу было 25 лет, уйгурами вот уже 50 лет правили *тюрк-кыпчаки*. И было это в тюркском государстве ("когда тюрк-кыпчаки (*türk qıřcaq*) властвовали над нами 50 лет в государстве тюрков на моем двадцать шестом году жизни..."). Хронологическое определение исторических эпох в обеих надписях Элетмиша (прижизненной Терхинской и посмертной Селенгинской) носит условный характер, это неизменное свойство всех древних текстов. Имеет значение лишь конкретное указание на возраст Элетмиша. В Терхинской надписи он сообщает, что выступление против тюрков он начал в 28-летнем возрасте. При этом назван и год двенадцатилетнего животного цикла (год змеи, 741), т. е. приведена точная дата хронологического отсчета: "В свои 28 лет, в год змеи,

тогда я привел в смещение тюркский *эль*, тогда я его разрушил” (стк. 21). Следовательно, Элетмиш родился в 715/716 г.

Правителем тюркского государства в эти годы был Мочжо-каган (691–716 гг.). С408, 10167 Мочжо (<так-түват <\*rekütin? или: *mek-tüvet* <\*bek šot?) – докаганское имя-титул этого правителя, под которым он был известен до интронизации, в годы правления своего предшественника, старшего брата Кутлуга (кит. Гудолу), именуемого в тюркских надписях Эльтеришем (682–691 гг.; это был Эльтериш Первый). По сообщению Старой редакции “Истории династии Тан”, Мочжо в 689 г. возглавлял тюркские отряды при нападении на северные области государства Тан [Лю Сюй, гл. 183, с. 1322, л. 136].

При интронизации тюркские каганы получали новое имя-титул, но китайские летописцы, как правило, дабы не создавалось впечатление, что речь идет о совсем другом человеке, предпочитали называть их прежним именем, лишь изредка к нему присовокупляли собственно тронное, каганское. Таким именем Мочжо было С14035, 8754, [4873], 12466 Седе [ли] *шэ* < *yüt-d'iet-[li]-šie* < *Elētiš*. В сообщении 712 г. он назван Ашина Седе [ли] *шэ* Мочжо/Эльтериш Бектур (Бег чор?), ашинец [Цзнь Чжунмянь, 1958, с. 376]. После победы над враждебными по отношению к Тан киданями в 697 г. императрица одарила его пышным китайским титулом, в котором, однако, не забыла о тюркском слове эльтериш: Тэ-цзинь Седе-лиши Да шаньюй ли гун бао го кэхань “Продвинутый вне очереди в повышении званый Эльтериш и Великий шаньюй-каган, проявивший заслуги и благодарный государству Тан” [Оуян Сю, гл. 215а, с. 1503, л. 11а]. В тексте большой стелы каниера Тоньюкука он назван Капаган-каганом (Тон, 51), а в Онгинской надписи (стк. 4) Капаган Эльтериш-каганом (*Qaraγan Ełetiš qaraγan elinγä qılınıtın* – “Я был предан государству Капаган Эльтериш-кагана”). Это был Эльтериш Второй. Был еще один каган по имени Эльтериш – предводитель басмылов из рода (племени?) ашинаш/ашинаши (ср. имя все-

начальника Ашинас ат-Тюрки в “Истории” ат-Табари), близкородственный каганским ашина и участвовавший в делах каганской орды-ставки. В канун падения Второго тюркского каганата он при поддержке уйгурского правителя-йабгу и карлукского правителя-йабгу претендовал на роль основателя Басмылского каганата, нового “собирателя эль-государства”, Эльтериша, и на короткое время действительно стал таковым. В 748 г. он был поднят каганом под именем Хэла [Пицзя кэхань/Алп Биальге-каган [Оуян Сю, гл. 217б, с. 1530, л. 9а]. В другом месте летописи он назван Седеиши кэхань/Эльтериш-каган [Оуян Сю, гл. 217а, с. 1521, л. 3а]. Современный исследователь Цзнь Чжунмянь [1958, с. 639, 1046] называет его Седеиши хэла пицзя кэхань/Эльтериш алп биальге-каган, а Се Цзунчжэнь [1992, с. 582] – Хэла Седеиши/алп Елениш. В 744 г. он был свергнут бывшими союзниками и бежал в Бэйтин (Бешбалык), откуда, по предположению Цзнь Чжунмянь [с. 470] в четвертой луне пятого года периода Тянь-бао (746 г.) отправил к танскому двору посольство от имени “государства Басмыл” [Ван Циньжо, гл. 971, с. 11412, л. 156]. Это был Эльтериш Третий.

Из трех каганов, обладавших званием *эльтериш*, лишь Эльтериш Второй (Мочжо) имел прямое отношение к непосредственной предыстории Второго уйгурского каганата.

К 712–713 гг. империя Мочжо простиралась с востока на запад на 10 тысяч ли и имела 400-тысячную армию. Воинами считались все мужское население империи от малолетних до стариков. Управлять такой махиной Мочжо уже был не в силах, тем более, что через двадцать с лишним лет своего правления “он стал глупее и неистовее; племена возмужали и начали отлагаться”, уходить под защиту Тан. Особую озабоченность каганской орды-ставки вызывали центробежные устремления объединения “девяти фамилий” телэ (<tegeγe) [Намилтон, 1962, с. 25–28], т. е. токуз-огузов.

“Коренных” племен объединения “девять фамилий” было не девять, а семь (ср. семь племен юэцжи), два считались присо-

единицами. Составитель энциклопедии, называющийся “Промотором императором в период Тайпин син-го, 976–983 гт.”, пишет: “Девять их фамилий: 1) хуэйхэ (уйгур); 2) путу (бук); 3) хунь (гун); 4) баегу (байарку); 5) тунло (тонгра); 6) сыцзе (сикер); 7) цибинь (кибирго?). Семь названных племен [это и есть “девятка фамилий”]. Со времени начала династии Тан (618 г.) в повествованиях “Историй” стали писать: “8) ацзесы (надо: абусы); 9) гулуьнь утусы”. “Эти две фамилии стали одного ранга с семью фамилиями после периода Тянь-бао” (742–755 гг.) [Юэ Ши, гл. 199; Ван Пу, гл. 98, с. 1744; Цзень Чжун-мянь, 1958, с. 714]. Состав семи и девяти племен, входивших в огузское объединение не был устойчив, но важное сообщение Юэ Ши будем иметь в виду при последующем изложении.

Осенью 715 г. была проведена тюркская карательная акция против “девятки фамилий”. В Старой редакции “Истории династии Тан” читаем: “Осенью Мочжо воевал с предводителем девяти фамилий Абусы на севере от Пустыни. Девять фамилий были разбиты наголову. Умерло множество людей и скота” [Лю Сюй, гл. 194а, с. 1442, л. 14а]. В Новой редакции: “Мочжо начал войну с девятью фамилиями. Он воевал на севере от пустыни. Умерло множество людей и скота. Сыцзе с другими пришел и подчинился [Тан]. Император всем дал чины” [Оуян Сю, гл. 215б, с. 1504, л. 13а]. Они были поселены в область между Лянчжоу и Ганьчжоу (пров. Ганьсу, “Ганьсуйский коридор”). Детальное освещение событий того туманного времени – предмет отдельного разговора [см., например: Камадов, 2001, с. 63–67]. Отношения между огузами и танской административной краем были настолько конфликтными, что уйгурский хантайский воевода Хушу после 727 г. счел за благо вернуться к торкам со своим народом. Здесь он скончался своей смертью, а его сын Гули Пэймо стал основателем Второго уйгурского каганата.

Схема изложенных событий такова: 1) тронным именем Мочжо было Эртериш; 2) в это время племенное объедине-

ние “девятки фамилий” телэ (огузов) в действительности насчитывало семь племен.

В 1928 г. в 15 км от станции Чойрэн Дундговийского аймака Монголии на одном из курганов южного склона горы Сансар была обнаружена “каменная баба” с древнетюркской рунической надписью. Эти курганы В. А. Обручев называл “последней колонией” древних могил, выдвинутых с севера в пустыню Гоби [Обручев, 1895, с. 26]. Перевод надписи (памятник хранится сейчас в Центральном Музее Монголии) сделан С. Г. Кышторным (1980)<sup>1</sup>:

- [1] ...государь меня послал: “Радуйся и иди!” – [он сказал].
- [2] От Эртериш-кагана
- [3] [вы] Тун-Биьве,
- [4] Тун-йеген-иркин,
- [5] вы, семь сородичей, смотрите не отделийтесь же!
- [6] Я, Тонь[юкук], [государство?] привел в порядок (создал). Ради предсказания (ради моего предвидения? за мои советы?) дома и загоны для скота мне...

Полное совпадение основных пунктов изложенного материала и цитированной надписи не оставляет сомнений, что речь идет о событиях осени 715 г., когда после кровавой бойни, устроенной Эртериш-каганом (Мочжо), огузы уже не видели иного выхода, кроме “отделения” от Тюркского каганата. Несмотря на повелительный тон надписи Тоньюкука, они “отделились”, ушли через пустыню в область между Лянчжоу и Ганьчжоу под защиту танского “Корпуса Красной реки” (Чин-шуй цзюнь).

Не менее важна личность Тоньюкука, автора Чойрэнской надписи. Общим для больших надписей из Хушу Цайдама и целого ряда других является стилизованное тамбовое изображение торного козла  в верхней части памятника и стоящего в угрозе нападения змея  в нижней. Горный козла – это изобразитель-

<sup>1</sup> Имеется еще перевод: Серткауа, 1998, с. 33–38, с которым я знаком по краткой справке в Альбим, 2001, с. 167, где лишь указано, что О. Ф. Серткауа датнрует надпись 687–692 гг.

ный эвфемизм Бесого оленя Золотые рога, т. е. Солнца, символа **каганской** фракции в династийной коалиции каганата. Змей в угрожающей позе – это эвфемизм дракона плодородия и Луны, символа **катунской** фракции в правящей династии. Такое стандартное расположение тамг было нарушено только однажды. С правой стороны Чойранской надписи сверху изображен катунский трехголовый Змей , а под ним каганский горный козел  (рис. 3). Для древнетюркских памятников этот случай уникален<sup>1</sup>.

С. Г. Кышторный сопоставил тамгу в виде Змея с тамгой племени ашидэ из списка тамг “Танского обозрения” . Ашидэ были знатнейшим племенем Тюркского каганата. Они находились в неких отношениях с каганским племенем ашина. “Весьма вероятно, – пишет он, – что первоначально ашина и ашидэ вместе составляли дуальную эндотамную систему, столь хорошо известную у тюркских и монгольских народов. Отношения свойства между ними сохранялись и в интересующую нас эпоху” [Кышторный, 1971, с. 94–95]. Принимая эти положения, продолжим их.

Тамга ашидэ  полностью адекватна юэчжи-кушанской тамге  царя Бакарны и всех предыдущих кушанских царей. У первого кушанского царя, наряду с отмеченной, была тамга  [Акишев, 1984, с. 109]. Это не стрелы, отражающие трихили четырехчастное состояние общества, а три или четыре головы мифологического Змея/Дракона Ажи-Дахака, как о том

<sup>1</sup> Возможно подобное (в словесной передаче) существовало в раннем средневековье у тюркского населения бассейна Волги. В 922 г. арабский путешественник Ибн Фадлан узнал о группе башкир, покочевавшихся Змеями [Ковалевский, 1956, с. 131]. Это известие непонятно. В первой четверти XIII в. сюда пришло монгольское войско. И вот что оно увидело. “И глаголют мнози нещии, – говорится в “Казанской истории” неизвестного русского автора XVI в., – прежде место были издавна гнездо змиево, во всем жителем земля той знаемых. Живяще ту вознездывая Змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волюву (т. е. бычью – авт.)...” [Моисеева, 1954, с. 47].

говорится в Авесте (Шлт V. Ардвисур, IX, 34). Среднеперсидская форма этого слова – *aydāhak* “дракон”. Дракон ассоциировался с Луной. В западной астрологии Луна в фазе наполнения называлась “головой дракона”, а в ущербной фазе – “хвостом дракона”. Точно так же в китайских астрологических сочинениях: лун шу “голова дракона” и лун вэй “хвост дракона”. В среднеперсидских текстах из Восточного Туркестана обе фазы (т. е. сама Луна) названы *dō Azdāhak* “два дракона” [Chavannes, Pelliot, 1913, с. 161].

Образ дракона Аждахака был принят зороастризмом, а с третьего столетия – манихейством, где он выполнял функции царя Тьмы. Распространение вероучения Мани приобрело глобальный масштаб. Его проповедники на первых порах были иранцы и согдийцы. Манихейство широко было в ходу и в тюркском мире, чему посвящен раздел II настоящих очерков. Манихейская традиция в данном случае идеально совпала с юэчжийским мифом и это должно считаться свидетельством связи между аштаками и юэчжи в самом узловом звене. Они были восприимчивыми и другой базовой юэчжийской символики. Окрут, куда в 648 г., после разрома каганата Се-яньто, был со своим народом помещен Ашидэ Шигзынь Сыззинь (аштак Чыкан-эркин) стал называться *Ду-лянь/Киглен* “Облачная колесница вод и плодородия” [Оуань Сю, гл. 217а, с. 1521, л. 2а; Цзень Чжунминь, 1958, с. 259; иначе: Мавякин, 1981, с. 103]. Юэчжийские основные сакральные символы Куйан и Киглен нашли отражение в аштакских топонимах Куйан (*кит.* Куянь-гу) и Киглен (*кит.* Цилинь) [Ван Лу, гл. 72, с. 1307]. С позиции материнского права, на котором только и может основываться гинекратическое общество, каковым и было юэчжийское, муж поселяется в доме жены, т. е. брак был *матрилокальным*. Примечательно и важно, что в непосредственной предыстории Второго каганата аштаки придиричиво подбирали подходящую кандидатуру на пост кагана из традиционно каганского племени ашина (ашина), доставляли претендента к себе и

поднимали на ханство. Первые два кагана не отвечали высоким требованиям, предьявляемым аптаками к личности кагана, и были отвергнуты почти сразу по их интронизации. Здесь брак был также *матрилокальным*, к кагану они относились как к лицу необходимому, но второго плана. Говоря об успешных военных действиях ашина Кутлуга (будущего Эльтериша Первого), Тоньюкук сообщает в байинцуктинской надписи (стк. 5-6): "Не заставить ли (его стать) каганом?" – говорил я. Я думаю: ведь говорят, что если издали и видят (букв. знают) жирных быков и тощих быков, то не знают, какой (именно) жирный бык и (какой из них) тощий бык. Так как Небо даровало мне знание, я сам заставил его стать каганом". Свое видение возможности кагана *мудрый* советник Тоньюкук определяет словами, волевыми в уста одного из военных противников: "каган его (тюркского эля) – герой (alp), советник его – мудрый (bilege)" (стк. 10).

За каганом, с точки зрения аптаков, закреплялась только исполнительная военная функция. Соотношение *каган* – *советник* можно определить по словицей, жившей еще во времена Махмуда Кашгарского: alp *šetirdi*, bilege *tipirdi* – "герой [проявляет себя] в войске, мудрый – в жизни" [ДТС, с. 144]. Вот по этой причине в Чойренской надписи катунская тамга помещена *над* каганской, а над третьей и четвертой строками байинцуктинской надписи (в верхней части стелы Тоньюкука) изображен женский треугольник острьям концом вниз, при полном отсутствии других символов. Вся жизнь и Первого тюркского кагана прошла под сенью драконтины, одной из ипостасей которой была воцарившаяся драконтина считалась не только матерью и кормилицей Первотюрка, но и последующих каганов, о чем прекрасно свидетельствует Брутутский памятник со скульптурным изображением воцарившей человеческой детеныша, – в верхней части, и воцарившая над каганской ордой-ставкой (рис. 4).

Очевидный по всем основным параметрам юэчжизм тюрков-аптаков и их главенствующее положение во Втором тюрк-

ском каганате, в состав которого входили владения "девяти фамилий" (в их числе уйгуры), заставляют с большой долей вероятности предположить, что в тексте уйгурского памятника из Могойи Шине усу тюрками-кыпчаками названы тюрки-аптаки. Создается также впечатление, что в данном случае термин *кыпчак* – совсем не этноним, а *обозначение-прозвание* той части тюрков, которая напрямую была связана с юэчжи.

Подобным образом могли быть обозначены и сами уйгуры. Известные варианты генеалогического мифа о рождении их предводителя по имени Буку, Бука или Огуз (бык, рога которого символизируют нарождающуюся луну, месяц) в дупле дерева или в некоем распухающем возвышении ("беременная женщина"), находившемся между двух деревьев: кедре и березы [Хуан Ваньби, 1964; Сун Лянь, гл. 122; Juwaini, 1958], совпадают с кыпчакским мифом, о котором говорилось выше. Эта же версия изложена в труде Рашида ад-Динна. "Бегю (Букю 𐰽𐰇𐰏) -хан в древние времена был великим государем, к памяти которого уйгуры и много других племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева. Словом, этот Ынанч-Билыге-Бегюхан был почтенным государем и имел сыновей. У его старшего сына основное имя было Бай-Бука ("Священный бык"), китайские государи прозвали его Ай-ван" [Рашид ад-Дин, 1965, с. 300-301]. Ван – слово китайское и значит *государь*; тюркское слово ай значит *лuna*.

В случае с аптаками и уйгурами термин *кыпчак* остался лишь обозначением общегенеалогического уровня, он не закрепился за ними в качестве этнического названия, поэтому слова *tipik qibçaq* из надписи Эльтериша надо воспринимать как *тюрки-кыпчаки* или *тюркские кыпчаки*, памятуя о том, что мифический предок уйгуров был в таком же самом смысле \**uygur-qibçaq* или \**uygurqin kypçaq*ком без этнического наделения термина *кыпчак*.

Кыпчаками (в этнонимическом или просто в нарицательном значении) могли быть тюркские племена различного этничес-

кого состояния, в пантеоне которых доминировал отмеченный комплекс. На период раннего “кыпчакаства” вполне могут быть распространены слова Т. А. Жданко, уже отмеченные Д. Г. Савиновым: “Под этнонимом “кыпчаки” на разных исторических этапах и в разных географических областях фигурировали этнически отличавшиеся друг от друга родоплеменные группы...” [Жданко, 1974, с. 8; Савинов, 1979, с. 70].

### Канцзюй

Через десять лет сюннуского племени Чжан Цзянь предстал перед ферганским царем в столичном городе Ниса (кит. Эрши). Он предвзял ему свой посольский бунчук, рассказал о скитаниях в чужих краях и поведал о цели своего путешествия к большому юэчжи. Древняя Фергана (кит. Даюань, Давань) была большим государством, богатым и густонаселенным, с многочисленным войском, владетель которого, вероятно, находился в вассальной зависимости от царя Кангхи (Канцзюй, Канцзи), не решился пропустить посольство к проживающим непосредственно на западе большим юэчжи без ведома и согласия своего сюэ-рена на юге [Бань Гу, гл. 61, с. 749; ср. гл. 966, с. 1194, л. 176]. В Фергане была хорошо налажена почтовая служба. Срочной почтой он направил запрос в Канцзюй и, лишь получив согласие, позволил ханьцзю продолжить путь. Чжан Цзянь был сопровожден ферганцами к большим юэчжи, проживавшим на севере от реки Гуйшуй/Амударьи, на западе от Ферганы, на юге от Канцзюй. Как полагает К. Цзедэди, этот фрагмент из описания путешествия Чжан Цзяня имеет фундаментальное значение для понимания юэчжжской проблемы. Он показывает, что Согдиана, расположенная к юго-западу от Ферганы в 128 г. до н. э., вскоре после переселения сюда племен юэчжи, находилась под канцзюйским господством. На этом этапе миграции юэчжи исходным пунктом их движения в Бактрию был Канцзюй, его роль в нем была решающей [Czededi, 1983, с. 48, 123]. Уже в ранних летописях и Согд именуется Канцзюй, а его главный город

С9305, 782 Сусе (по чтению Пуллиоланка \*sah-g'leats, ранняя форма названия Согда) был Кеш, позднее – Шахрисабз, неподалеку от Самарканда [Фан Сюаньмин, гл. 97, с. 664, л. 8а; Hulseve, 1979, с. 132]. Напомним, что Страбон (XI, VIII, 2) завоевателями Бактрии считал асиев, или асианов, тохаров и сакараулов (сакарауков <sa-ka-rau-ka “белые саки”, ср. аорсы <uipša “белый”), “спустившихся с Яксарта”, Сырдарьи, т. е. из собственно Канцзюй. Асии были “царями тохаров”. Поэтому Помпей Трог завоевателями Бактрии и Согдианы считает “скифские племена са[ка]рауков и асианов”. Левобережье Сырдарьи в районе ее притока Кувандарьи [Тоастов, 1948, с. 137–140; Вайнберг, 1999, с. 241–256] было местожительством тохаров-(юэчжи?) под рукой царя Кангхи. Согд завоевали его вассалы, поэтому визит к большому юэчжи был невозможен без согласия владыки, а сам Согд стал называться в китайских источниках также Канцзюй и затем Канг. В “Истории северных династий” читаем: “Государство Кан (Qang, Согд) – это потомки Канцзюй. Они постоянно перекочевывали и не знали привязанности к прежним землям. [В государстве Кан] линия престолонаследования не прерывается со времени династии Хань. Собственная фамилия их владетеля – Вань, он юэчжжинец” [Ли Яньшюу, гл. 97, с. 1298, л. 256; это же: Вэй Чжэн, гл. 83, с. 826, л. 8а]. В Новой редакции “Истории династии Тан” сообщается только фраза “Фамилия царя Вань, он юэчжжинец” [Оуян Сю, гл. 221, с. 1555, л. 1а]. Словом, Согд – это Канцзюй и Канг, но Канцзюй и Канг – это не страна на Сырдарье или Согд на Зеравшане и Кашкадарье, но, как увидим, значительно больше ее.

В “Исторических записках” краткий текст о стране Канцзюй выглядит так: “Канцзюй расположен почти в двух тысячах ли на северо-запад от Даюань. Это кочевое государство, обычаями во многом сходное с юэчжи. Натягивающих лук (т. е. боеспособного населения, воинов) 80–90 тысяч. Соседствует с Даюань. Это небольшое государство. На юге они служат [племенам] юэчжи, на востоке служат [племени] сюнну” [Сыма

Цянб, гл. 123, с. 1138, л. 4а]. Текст внутренне противоречив: в “небольшом” (кит. сю “малый”) государстве не могло быть столь многочисленного войска. В той же летописи пересказываются слова самого Чжана, обращенные к императору и явно взятые из хроники Бань Гу для восстановления утраченного текста: “На севере [от государства Шеньду, Индия] – большие юэжи и Канцзюй с сильными войсками, которыми можно установить пауту за службу династии [Хань]. А если к тому же представится возможность склонить их в подданство, то расширим ее владения на десять тысяч ли” [Там же, с. 1140, л. 8а–б; Бань Гу, гл. 61, с. 750, л. 3а].

Следующие по времени известия о Канцзюй связаны с событиями, развернувшимися вокруг ханьского вторжения в Фергану. Следуя в фарватере жесткой антиханьской политики Канцзюй, Фергана, через которую пролегла Северная дорога торгового пути Восток–Запад, была серьезным препятствием для усиления ханьской экспансии в странах Западного края. Летописец отмечает даже факт убийства ханьского посланника [Сыма Цянб, гл. 123, с. 114, л. 16а]. Поводом для вторжения послужила якобы любовь императора У (140–87 гг. до н. э.) к ферганским “Небесным коням”, способным доставить всадника в “Страну бессмертия”. В приобретении этих коней ханьцам было отказано, и в 102 г. до н. э. под стенами Эрши/Нисы появилась огромная войско под флагом Хань. В Фергане предполагали, что на помощь ей придет армия сюзерена, и тогда “Ферганды в городе, а Канцзюй в степи” сокрушат войско неприятеля. Канцзюйская конница действительно прибыла, но убедившись в многочисленности и мощи ханьских соединений, не решилась вступить в сражение. В итоге ферганская столица сдалась; сопротивление до последних сил оказывала лишь восточный пограничный город Ю (“Расписанный”, “Цветущий”). Его управитель бежал в Канцзюй. Дабы избежать продолжения ханьской агрессии на сам Канцзюй и не дать даже формального повода для ведения войны против него, сюзерен выдал своего вассала [Сыма Цянб, гл. 123, с. 1145,

л. 186–19а–б; Бань Гу, гл. 61, с. 753–754, л. 106–116]. Война лишь крылом коснулась Канцзюй, но явилась заметной вехой в его истории. В 59 г. до н. э. ханьский двор учредил должность военного представителя в Западном крае *духу*. В его обязанности входил надзор за военной обстановкой в государствах края (в том числе в Канцзюе) и оповещение двора об изменениях в ней. От ханьского духу Канцзюй не зависел.

Возможность военного проникновения в Канцзюй представлялась позднее. К середине I в. до н. э. расклад сил был таков. В 57 г. до н. э. южная часть племен сюнну приняла ханьское подданство и получила военную поддержку в борьбе против северных соплеменников, возглавляемых Чжижи-шаньюем. Военственный и некогда удачливый, покоривший несколько государств правитель северных сюнну укрылся в стране Цзянькунь (кыргызов Верхнего Енисея). В это время Канцзюй, подвергавшийся на своих восточных пределах постоянному давлению со стороны находившихся в союзе с Хань усуней, решил воспользоваться случаем и пригласить прославленного воина на военную службу. Дело было зимой, и по пути из Цзянькуня к Сырдарье значительная часть отряда Чжижи погибла от мороза. До Канцзюй дошли только 3 тысячи еше живых. Канцзюйский царь встретил их с почетом, он выдал за Чжижи свою дочь и отвел ему местность для строительства крепости на берегу Тагаса. Она была построена за два года. Чжижи совершил несколько победных рейдов на Усунь и стал думать о себе, как о государстве”. А в это время к Тагасу двумя дорогами двигалась ханьская армия под руководством Чань Тана и Гань Яньшюу. В результате кровопролитной битвы, подробно описанное которой сохранилось в летописи, крепость пала. Это было в 36 г. до н. э. [Бань Гу, гл. 7а, с. 854–855, л. 1а–4а; гл. 946, с. 1131, л. 7а; гл. 96а, с. 1163, л. 156–16а].

О развитии этой военной кампании и о каких-либо политических ее последствиях в летописях нет ни слова. Сообщается лишь о независимой политике Канцзюй и высокомерии его царя.

Ханьский духу в Западном крае Го Шунь доносил в столицу: "...Нынешняя родственная связь нашего Двора с Усунем еще никакой выгоды не доставила; напротив, только озабочивает Срединное государство... Канзюй, напротив, горд, дерзок и никак не соглашается делать поклонение перед нашими посланниками. ...Судя по сим поступкам, не трудно отгадать, для чего он отправляет сыновей в службу при китайском дворе. Это есть хитрый предлог, под которым он жаждет производить торговлю" [Бичурин, II, с. 185; Бань Гу, 96а, с. 168, л. 16а-б].

Зимней ставкой канзюйского царя был город С3721, 5835 Битянь (<руе-ден) в местности С9091, 9967, 1279 Лаюэни. Э. Пулльбланк сопоставляет транскрипцию *битянь* <руе-ден> \**βidn* с предполагаемым \**βidn-kah* и более поздним Бинкат. Название Лаюэни, по его мнению, соответствует одному из названий Яксарга/Сырдарьи [Pulleblank, 1962, с. 94]. Не исключается, однако, сблужение транскрипции *руе-дан* с персидским *тебад* "дом", "жилище". Возможно, искомое соответствие в имене-титле тюркешского дехкана большого селения в Чуйской долине 𐰽𐰇𐰏𐰍 Бидан (Бидан-сянтю) в сочинении Гардизи "Зайн ал-ахбар" [Бартольд, 1973, с. 41, 62].

Отсюда до летней резиденции царя было 7 дней пути (на север). Здесь необходимо небольшое отступление. В "Истории северных династий" [Ли Яншоу, гл. 97, с. 1295, л. 19а] говорится, что Чжэнь (Чау, Ташкент) "это прежнее государство Канзюй". Другим названием Чау было Ши-го "Каменное царство". Оно неми: "Каменное царство расположено на реке Яоша (Яксарт). Главным город в окружности более 10 ли. Фамилия царя Ши (Камень), а имя [и]не ([и]нель)..." [Вэй Чжэн, гл. 83, с. 826, л. 96]. Для тюркского времени имеются два сообщения, в которых Ши-го является ориентиром. Под 603 г. сообщается, что один из западнотюркских каганов "жил на севере от Ши-го и управлял всеми согдийскими (ху) государствами [Средней Азии]" [Вэй Чжэн, гл. 84, с. 838, л. 15а]. В 616 г. западнотюркский каган Тун-ябугу "переместил ставку в местность Цян-цюань (Тысяча ключей,

Мерке) на севере от Ши-го и стал управлять всеми государствами Западного края", – т. е. Средней Азии [Лю Сюй, гл. 194б, с. 1445, л. 5а]. Местность Цян-цюань входила в пределы Ши-го [Сыма Гуан, гл. 199, с. 6273]. В 629 г. об этой местности писал: "Тройдя более 400 ли на запад от Суйба, прибыли в местность Цянцюань. Местность Цянцюань занимает площадь около 200 ли. С южной стороны снежные горы, а с трех других ровная степь. Земля здесь влажная, леса густые, а разнообразные цветы в весенние месяцы подобны узорным шелкам. Здесь тысячи источников и озер, потому и местность носит такое название. Тюркский каган ежегодно укрывается здесь от летней жары. Там стада оленей, и многие украшены колокольчиками на ремешках. Они привыкли к людям..." [Зуев, 1960а, с. 91].

Благодажная местность "Тысяча источников" входила в ведение Таласа, которая в середине VIII в. считалась "крепостью Каменного царства". Во второй половине I в. до н. э. на берегу реки Талас силами канзюйцев была построена крепость податренная Чжичжи-шаньюю канзюйским царем в ознаменование его женитьбы на царской дочери. Среди других причин для основания этой крепости, видимо, была охрана летней резиденции царя. Поведение пришельца из далекой страны не вписалось в "канзюйские обычаи", и вскоре после женитьбы военравный Чжичжи приказывает бросить в реку молодую жену вместе с ее канзюйской свитой. Этот поступок, как выясним ниже, был своеобразной реакцией на местные обычаи.

Не включаясь в нескучную полемику о локализации собственно Канзюя, отметим два существенных показания. Одно из них определяет его восточный предел в 36 г. до н. э.: "Три отряда духу [Гань Яншоу] выступили из Ваньсу (ныне уезд Уши, Уч-Турфан, СУАР). Двигаясь Северной дорогой, они [через 610 ли] вошли в Чигу, перешли Усунь и, перейдя *иратицу Канзюя*, пришли [в местность] на западе от Тяньчи – Иссык-куля" [Бань Гу, гл. 70, с. 858, л. 9а]. Другой ориентир – Кюнтю (küngü; *кит.* Гунъюй <kióng-ngiòu> \*küngü; ср. др-тюрк. k[ü]ngü, k[ä]-

пей: КТ6, 21). Он зарегистрирован как последний пункт перед границей с Нуикетом и затем Чачем (Ташкентом) в путевых записях Сюань-цзана в 629 г., когда утвердилось уже название Канг, известное по трудам мусульманских авторов. "Пройдя [от города на реке Белой, Испиджаба] на юго-запад около 200 ли, – пишет Бянь Цзи, – мы прибыли в город Гунъюй. Город в окружности 5–7 ли. Земля здесь влажная и плодородная, а леса пышные и густые. Отсюда на юг через 40 или 50 ли мы прибыли в государство Нуичизянь (Нуикет)... Пройдя отсюда на запад более 200 ли, мы прибыли в государство Чач" [Зуев, 1960а, с. 91–92]. Архаичность самого названия указывает на хронологическую его отдаленность и совпадение с первой китайской записью Канцзюй (<\*khang-kiah > khang-kio).

Давно установлено, что в индийской "Махабхарате" эта страна упоминается под именем Канка, в иранской "Авесте" – Кангха или Канга. В дошедших до наших дней частях "Авесты" она упоминается один раз. Воин Туса приносит жертву богине Ардвисуре Анахите и просит у ней благословения:

Такую дай'удачу  
Благая Ардвисура,  
Чтобы осилил храброе  
Васаки отродье  
В проходе Хшатросука  
Я в Канхе пресвятой.

[Стеблин-Каменский, 1993, с. 36].

До нашего времени сохранились лишь жалкие крохи огромного иранского религиозного свода "Авеста", многие его недостающие части противоречивы или пересказаны в трудах мусульманских писателей (Фирдоуси, Бируни, Шахростани и др.). Для них Канка, Канг – это страна и город в Туране, под которыми подразумевались территории не только от Каспийского моря до Центрального Казахстана, но и значительно дальше на восток, иногда даже до территории Внутренней Монголии. Главным сюжетом "Авесты" по ее изложению в "Шахнаме" Фирдоуси

была борьба Ирана (оседлые иранцы) с Тураном (кочевые иранцы).

"Страна" или "область" назывались по-авестийски дабу, по-древнеперсидски дабуа, по-среднеперсидски dih/deh. Поэтому "страна Кангха" могла или действительно называлась \*Kanghahadu, позднее \*Kangha-dih, Kang-dih; было и немало вариантов. При арабской записи персидских терминов исходному звуку соответствует арабский дж. Поэтому названные персидские сочетания в трудах арабских писателей об этом районе приобрели звучание Кенджидех, Кенджиде и под. Область по правобережью реки Арысь, впадающей в Сырдарью, и по правобережью среднего течения самой Сырдарьи в трудах ранних арабских географов назывались Кенджиде, ныне так называется район Южно-Казахстанской области.

В этом регионе проводились археологические исследования, выявившие материал, позволяющий сделать ряд важных заключений. По мнению Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевича, городище Джуван-тепе (с. Мамаявка) – это остатки главного города Арсубаникет в области Кенджиде. Ее население было кочевым и полукочевым [Агеева, Пацевич, 1956, с. 53–57]. Вадения страны Канцзюй простирались на север вплоть до низовьев Сырдарьи. Важной областью были города Отарского оазиса [Байпаков, 1990, с. 10–18; Байпаков, Тернова, 1998, с. 156–166].

Выше уже приводились сообщения, что "Чач – это прежнее государство Канцзюй". Среди части исследователей подчас бытует мнение, что историческим экскурсам и сопоставлениям бывших тогда названий с более древними, встречающимися в текстах летописей, доверять нельзя. Это недоразумение. Древний хронист, "приводя нынешние названия в соответствие с древними" (это слова императорского указа), располагал такой документальной базой, какая нашему современнику и не снилась. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть историографические разделы летописей. Многие из упомянутых там трудов были навсегда утрачены еще 800–1000 лет назад.

Говоря это, имею в виду строки о государстве Ши ("камень") или Чац (приведены варианты китайской транскрипции). "Это северная окраина [страны] Даюань эпохи Хань. Отстоит от столицы [Китай] на 9 тысяч ли. На северо-востоке простирается до западных тюрков, на севере Фараб (Бола), на юге в двухстах ли примыкает к Ходженту (Дзюйчаньти), на юго-западе в пятистах ли – Самарканд. Окружность [государства Ши] 1000 ли... Фамилия царя Ши ("Камень"); его резиденция в городе Чац, это город Юйни малого царя прежнего Канцзюя. На юго-западе течет река Яксарт" [Юань Сю, гл. 221б, с. 1555, л. 2б; Бичурин, II, с. 313; Chavannes, 1903, с. 140].

Сырдарья является великой рекой Средней Азии (длина 2863 км). Ее богиней была \*Харасвати Ардвисура Анахита. В древности Иран считался обитной бога Соинца и договора Митры, а Туран с центром в Канге – обитной богини Ардвисуры Анахиты [Брагинский, 1991, с. 100]. Ее совершенной двойницей была древнеиндийская богиня вод и плодородия Сарасвати [Lohmel, 1954, с. 406–409], олицетворявшая реку Сарасвати, некогда впадавшую в Аравийское море. Сырдарья – некая богиня в "Авесте" посвящен большой Япте (Япте V. Ардвисур). Как и Сарасвати, Ардвисура Анахита стоит в колеснице вод – тага (одновременно это облачная колесница), в которую впряжены четыре коня белой масти – Ветер, Дождь, Облако и Град. Ее дворец стоит на Небесной реке. Река-Анахита берет начало на вершине Мировой горы (Хукария) и впадает в Мировой океан (море Ворукаша). Зимой и летом, ночью и днем соразмерно несет она воды своей колесницей. Ее небесные воды дождевыми потоками (тага аро) [Bartholomae, 1961, с. 631, 636] падают на землю. "Я хочу, – говорит в Япте, – всеми почитаемую золотую вершину Хукария восславить, с высоты которой, равной росту тысячи мужей, Ардвисура Анахита притекает, равная высотой всем водам, что здесь, на этой земле текут, полная сил". В другом месте того же Япте она характеризуется как "широко разлившаяся и целебнонос-

ная", "выращивающая семя всех мужей, подготавливающая к родам материнское лоно всех жен, делающая легкими роды всех жен, наполняющая в урожайный час нужным молоком женскую грудь, бескрайняя, знаменитая, равная по длине всем водам, мощная" [Брагинский, 1972, с. 57–71; Стеблин-Каменский, 1993, с. 26–52].

В нескольких местах "Авесты" упоминаются главные враги иранцев туры- "данайцы" (dānava от дану- "река", в данном случае Сырдарья). В том же Япте (XVIII, 73) читаем: "Дануи нам такую удачу, о добрая, мощная Арвисура Анахита, чтобы мы побеждаемыми стали над туранскими данавами". Подобное говорится в Япте XIII (Фравартин, 37–38): "...тогда храбрые мужи из рода Хшпави дали бой данавцам. Вы (фравартинцы – духи-хранители) отразили тогда нападение данавов-туранцев. Вы отразили тогда злобу данавов-туров (скифов)... Были опустошены тогда хищные поселения данавов, имевших десятитысячное войско" [Абаев, 1990, с. 31–34]. Яксартами называют племена вдоль Яксарта (Сырдарьи), кахагами называют Птолемеи (VI в.) племена, живущие на реке Кант (Сырдарья). Эти названия отражают не видовое понятие "сырдарьинец", а ремпиозное: "те, которые почитают богиню Реку".

Царской фамилией государства Позднее Чжао (319–352 гг.) была Ши ("камень") из племени C12641, 8881 цянцзюй (<khīang-gīo) [Фан Сюаньпин, гл. 104, с. 716, л. 1а]. Племя цянцзюй входило в состав 19 племен южных сюнну [Фан Сюаньпин, гл. 97, с. 666, л. 11а], но были юэчжийцами по происхождению и составляли часть группы племен, объединенных названием C1259 цзе (<kiat), имевших густые бороды и большие носы. Устанавливается существование неких связей племен цзе со среднеазиатскими княжествами [Тан Чанку, 1955, с. 416]. Китайские ученые Тань Цисян и Яо Вэйяоань [1958, с. 355–358] пришли к выводу о тождестве названий цянцзюй и канцзюй. К аналогичному заключению пришел Э. Пулливеланк. Вос-